Тело Алека и тело Мишель блестели от пота.

Ноги Мишель упали с его плеч на кровать; она задыхалась с членом моего друга, все еще погруженным в нее.

Алек взял ее руки в свои, слегка приподнял, и она обхватила своими ногами его талию, чтобы они смогли вдвоем лечь на кровать. Алек забрался на кровать, подтолкнул ее к изголовью и лег сверху, прижавшись губами к ее губам.

Мишель всегда любила целоваться. Это, как ее соски, возбуждало ее больше всего. Она страстно целуется, будто обнажая свою душу. Именно так они с Алеком и целовались. Алек все еще был внутри нее.

Несколько мгновений спустя Алек чуть приподнялся, посмотрел ей в лицо и спросил:

— Ты готова?

Она застонала: «Уууу, Уууу», прижимаясь к нему своей киской.

Алек медленно вышел из нее... и снова вошел в нее своими восемнадцатью или около того толстыми сантиметрами.

— О, Боже! — вырвалось у нее.

Ноги Мишель были широко расставлены, туфли все еще были на ее ногах, своими руками она сжимала спину Алека, ногти впивались в его кожу. Он вырвался и снова вошел в нее, она снова взвизгнула...еще ... и снова, и снова, и снова, с каждым разом все быстрее.

Выражение лица Мишель ...Я даже не могу его описать. Ее трахали…и она любила каждое мгновение, кряхтя и постанывая с каждым толчком.

Алек долбил мою жену, ее тело билось с каждым толчком. С каждым толчком ее вопль становился все громче и громче.

Мой собственный член снова стал твердым, и я хотел свою жену! Но я знал, что этому не суждено случиться. По крайней мере, этой ночью она была женщиной Алека.

Энн Мюррей все еще пела в соседней комнате, не обращая внимания на происходящее в нашей спальне.

Я стоял у нашей кровати, наблюдая, как мой друг продолжает трахать мою жену. Его член

влажный и блестящий, казалось, увеличивался с каждым толчком ...он появлялся...и исчезал внутри нее...снова и снова!

Иногда он останавливался, и они или целовались, или он сосал один из ее сосков, а потом начинал снова.

Голова Мишель начала раскачиваться взад-вперед, ее вопль сменился непрерывным потоком хрюканья, стонов и других неразборчивых звуков. Я знаю, как ее киска сжимается вокруг меня, когда она кончает. Стоны Алека начали меняться, а его толчки стали еще более неистовыми.

Наконец, он поднял свои глаза к потолку, пустые и, казалось, невидящие, делая короткие, жесткие толчки в нее. На его лице появилась еще одна дикая гримаса, а Мишель почти рыдала с каждым его жестким толчком. Вопль Мишель начался снова, а ее ногти резко впились в него, оставляя глубокие красные царапины на спине Алека.

На этот раз он скатился с нее. Они оба хватали ртом воздух, тела их блестели от пота. Его член все еще набухал, мокрый и скользкий от их соков. Я знал, что моя мечта, вероятно, навсегда нереализованная, будет трахать мой мозг, как мой друг трахал мою жену.

Конечно, я не собирался изолировать себя на год.

Ноги Мишель все еще были широко раздвинуты на кровати, сперма Алека капала из ее мокрой, красной киски.

Когда Мишель перевернулась, закинув ногу на тело Алека, и прижалась лицом к его лицу, я закрыл дверь спальни, нашел одеяло и подушку в нашем маленьком шкафу, снял липкие штаны и нижнее белье и лег на диван, где, как мы предполагали, должен был спать Алек.

Я лежал на диване, переживая последние несколько часов, мой член все еще был твердым, как камень, с того момента, как я впервые открыл дверь и увидел, как была одета Мишель. Я устал больше, чем когда-либо за долгое время, но не мог заснуть. Видения снова и снова прокручивались в моей голове. В конце концов я понял, что на диске звучит последняя песня — «Теннессийский вальс», а затем в комнате воцарилась тишина. Тогда я понял, что прошел почти час с тех пор, как Мишель впервые станцевала с Алеком в нашей гостиной.

Я все еще лежал, уставившись в потолок, возбужденный и желающий свою жену так сильно, что это было почти невыносимо. Затем понял, что снова слышу, как дрыгается кровать ... и вскоре снова послышались стоны.

Я попытался остановить себя, но не смог. Я встал и чуть приоткрыл дверь, чтобы заглянуть внутрь. Было почти темно, только лунный свет пробивался в окно. Раньше, по крайней мере, был отраженный свет от лампы в гостиной.

Мишель стояла на локтях и коленях, Алек был позади нее, насаживая ее на член так же сильно, как и раньше. Она качалась в такт его движениям.

Мишель приподнялась на локтях, чтобы увидеть, как член Алека входит в нее. Я наблюдал несколько минут, зная, что в этот третий раз Алек будет долго трахать мою жену, затем тихо закрыл дверь и лег обратно на диван, прислушиваясь ко все более громким стонам, доносившимся из нашей спальни. Крик Мишель несколько минут спустя пробил еще одну дыру в моей душе...почти вызвав мой собственный третий оргазм.

Очевидно, я заснул после того как они закончили заниматься любовью. Я лежал на диване, слушая, как Мишель и Алек снова испытывают оргазм. Потом я ничего больше не понимал, пока не почувствовал мягкие губы на своих и не почувствовал запах духов Мишель. Когда я проснулся достаточно, чтобы быть в сознании, я почувствовал, как руки Мишель ласкают мои щеки, как ее губы ласкали мои в поцелуе, наполненном любовью.

— Я хочу, чтобы ты занялся со мной любовью, — прошептала она между поцелуями.

Я сбросил одеяло, показывая, что все еще тверд. Я не думаю, что даже во время моего короткого сна стояк когда-либо ослабевал, даже после трех оргазмов. Ночь была слишком эротичной. Даже больше, чем я мог себе представить. Даже больше, когда в моей голове впервые пронеслись видения Мишель с Алеком.

Мишель забралась на диван рядом со мной, и мы хихикали над моими попытками запихнуть ее под себя. Это был обычный диван. Как только мы оказались, по крайней мере, в полуудобном положении, мы поцеловались, наши обнаженные тела прижались друг к другу.

Я все еще был в том же эмоциональном состоянии, что и тогда, когда лежал, страстно желая свою жену. Следовательно, это был только момент нашей прелюдии, прежде чем я вошел в нее. Боже, она была такой горячей и скользкой...скользкой от спермы Алека, смешанной с ее собственными соками. В тот момент это не имело значения. Ее горячая киска обвилась вокруг меня. Видение того последнего раза, когда Алек пронзал ее сзади, промелькнуло в моем сознании, и я кончил, долго и жестко добавляя свою сперму к сперме Алека. Я сделал всего несколько толчков.

По сравнению с тем, что я видел, мои любовные ласки казались прискорбно неполными, хотя мне так не казалось. Даже короткое, это мгновение было прекрасным.

— Прости, — сказал я жене, зная, что она не испытала ничего подобного тому, что испытала с Алеком.

Очевидно, понимая, что я чувствую, она приложила палец к моему рту:

— Нет, ничего не говори…с ним был секс…с тобой была любовь… — и ее губы снова нашли мои.

Она провела со мной остаток ночи, хотя от ночи почти ничего не осталось. Я не думаю, что кто-то из нас снова заснул, потому что мы постоянно ласкали и целовали друг друга.

***

Чуть позже семи начало светать. Самолет Алека вылетал не раньше одиннадцати, так что у нас было время дать ему немного поспать. В тот вечер я не работал, а поскольку была суббота, то и Мишель тоже, так что днем мы тоже могли немного поспать.

В восемь тридцать мы с Мишель встали, и она едва приоткрыла дверь спальни. Пахло сексом, напоминающим о прошлой ночи. Алек лежал на кровати, слегка похрапывая, без одеяла. Его утренняя эрекция стояла, гордая и твердая. Я думаю, что его утренний ствол был почти больше, чем он был прошлой ночью. Она посмотрела на меня с «этим выражением» на лице. Я кивнул, точно зная, чего она хочет.

Она толкнула дверь до конца и тихо прокралась в комнату, все еще совершенно голая. Я только сейчас понял, что в какой-то момент ночью она сняла туфли.

За четыре месяца пребывания на Сайткинаке я знал, что Алек спит крепко. Мы были соседями по комнате в казарме. Практически ничто не могло пробудить его от глубокого сна. Тогда одно воспоминание заставило меня закатить глаза. Если, когда Мишель сказала мне, что боится, что нас услышит Алек, я сказал бы ей, что мы не смогли бы его разбудить, разве случилось бы что-нибудь из этого? Но уже немного поздно оглядываться назад. Конечно, я тоже не жалел об этом.

Во всяком случае, его привычка спать позволила Мишель забраться на кровать, оседлать его и опуститься, насаживая свою киску на его член, не разбудив его.

Мишель лежала на нем сверху, его член был погружен в нее, ее руки лежали на его груди. Когда он начал стонать, на его лице появилась широкая улыбка. Он очевидно все еще спал и, видимо, видел самый приятный сон во всей истории снов.

Она скакала на нем, головка его члена почти высовывалась из ее половых губ, затем она скользила обратно вниз. Она издала стон, затем наклонилась над ним, потирая сосок о его губы, пока они не раскрылись.

Именно тогда он начал просыпаться. Его член был погружен в киску моей жены, а ее сосок — в его рот. Какой чертовски приятный способ проснуться!

Алек обнял Мишель за спину и крепче прижал к себе, застонав и посасывая ее грудь.

В течение следующих нескольких минут Мишель скакала на нем, время от времени останавливаясь и целуя его, позволяя ему сосать грудь.

Смотреть на это было так же трудно, чем прошлой ночью. С дневным светом и тем фактом, что это было так внезапно, это просто казалось…Другим. Прошлой ночью я думал только своим членом, когда как сейчас мой мозг уже начал загружаться.

Как бы то ни было, но я думал, что буду в порядке, когда она одарила меня «этим взглядом». Но я не был в порядке, я чертовски ревновал! Почти достаточно, чтобы попросить ее остановиться. Я не хотел, чтобы моя жена трахалась с моим другом этим утром. После вчерашней ночи ты с ума сошла или что?

Но я не стал ее останавливать. Она слишком наслаждалась тем, что делала. Особенно когда Алек снова начал извергать в нее сперму, подталкивая ее к собственному оргазму.

Мишель тяжело дышала и наклонилась к нему, шепча что-то на ухо и вызывая улыбку на его лице. Я понятия не имел, что она говорила, но она слезла с него и с кровати. Сперма снова стекала по внутренней стороне ее бедра. По моим подсчетам, в ее вагине была сперма от четырех раз: три — от Алека, и один — от меня. Возможно, они с Алеком сделали это еще раз, пока я спал. Ее киска, вероятно, должна была побаливать и должна была быть…переполненной спермой.

— Я пойду пописаю и приму душ, вам, парни, нужно сходить в туалет? — спросила Мишель, глядя на нас обоих.

— Я в порядке, — сказал Алек, — я сделал это ночью.

Должно быть, он сделал это до того, как Мишель оказалась со мной, или, может быть, мы задремали и даже не поняли этого. Ну что ж.

— Я, наверное, схожу, — сказал я. Я знал, как долго Мишель иногда бывает в ванной.

Когда я вернулся, она ждала меня с маленькой косметичкой в руке, а Алек был в спальне, надевая свою одежду. Мне было немного неловко ходить голым, поэтому я надел боксеры с прошлой ночи, а затем достал чистую одежду из нашего комода.

Мишель недолго была в душе, возможно, понимая, что нам с Алеком тоже нужно немного помыться, чтобы отвезти его в аэропорт. Но «одежда», которую она взяла с собой в душ, стала большим сюрпризом для меня, и, несомненно, для Алека тоже. Это была одна из ее прозрачных сорочек с такими же прозрачными трусиками, но все же не такими маленькими, как те, что были на ней прошлой ночью.

Алек не сводил с нее глаз. Даже после всего, что случилось, меня почти удивило, что она надела это для него. Это казалось даже более интимным, чем вообще ничего.

Он вернулся в машину, взял свою маленькую сумку и пошел с ней в ванную. Пока он был там, у

нас с Мишель было несколько минут наедине. Она спросила меня:

— С тобой все в порядке?

Я кивнул:

— Это было сексуально. Не думаю, что смогу сделать это снова, но прошлая ночь была хороша. — Я не упомянул, что сегодня утром мне было уже не так хорошо. Я решил не говорить ей, как сильно меня начало это беспокоить. К этому времени я уже не видел в этом никакого смысла.

Но мне захотелось знать одну вещь:

— Что ты шепнула Алеку сегодня утром, что заставило его так улыбнуться?

Она улыбнулась:

— Я сказала ему... — она запнулась. — Это наш с ним секрет.

— Нечестно, — нахмурился я. - Я не знал, что еще сказать, может быть, в конце концов она мне скажет. Но на момент написания этой фразы она все еще не сделала этого.

Она наклонилась и поцеловала меня:

— ...Это был самый лучший «единственный раз», какой только может быть у девушки.

В этот момент я был рад, что она сказала «единственный раз».

***

Я отвез Алека в аэропорт и подождал, пока самолет улетит. По дороге мы почти не разговаривали, разве что я пожелал ему удачи. Я не знаю, что можно сказать парню, который только что провел ночь, трахая мою жену так, как ее никогда раньше не трахали.

Хорошо, что дома его не ждала девушка. Иначе ему было бы трудно объяснить свежие царапины на спине.

Когда я вернулся домой, Мишель была в спальне на нашей кровати. Она сменила постельное белье и открыла окна, выпуская запах секса, который густо витал в комнате. Она раскрыла для меня свои объятия и сказала:

— Теперь ты можешь заняться со мной любовью по-настоящему.

Мы отлично провели остаток дня.

http://erolate.com/book/2374/60876